

УДК 165.0:82

У. КУАЙН, НАТУРАЛИЗАЦИЯ, СКЕПТИЦИЗМ И ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
golovko@philosophy.nsc.ru

Аннотация. Цель работы – показать взаимосвязь тезиса У. Алстона о формальной независимости контекстов «быть обоснованным» и «знать, что я обоснован» и способов преодоления проблем скептицизма в натурализованной эпистемологии У. Куайна. На материале отдельных работ – «С точки зрения логики» (1963), «Направления парадокса» (1966), «Онтологическая относительность» (1969) и др. – делается попытка близко к тексту реконструировать возможные ответы У. Куайна на скептический вызов проблемы обоснования стандартов обоснования, а также проблемы «концептуального изменения». В частности, показано, что ответ У. Куайна на скептический «вызов естествознанию, возникающий внутри естествознания», можно понимать, как указание на независимость разных «эпистемических уровней», один из которых задается «базовой» теорией и формирует представления о «реальности», «данных» и «обосновании», а другой связан с поиском более эффективного представления теории и определяет возможность ее изменения.

Ключевые слова: рационализм, эпистемология, натурализация, обоснование, скептицизм, концептуальное изменение, У. Куайн, У. Алстон.

Для цитирования: Головко, Н. В. (2021). У. Куайн, натурализация, скептицизм и проблема изменения теории. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 80-92. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.80-92.

W. QUINE, NATURALIZATION, SKEPTICISM AND CONCEPTUAL CHANGE PROBLEM

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
golovko@philosophy.nsc.ru

Abstract. The paper aims to show the relationship between the W. Alston's idea about the formal independence of the contexts of "being justified" and of "knowing that one is justified" and the means to overcome the problems of skepticism within the naturalized epistemology by W. Quine. Based on some works – "From a Logical Point of View" (1963), "The Ways of Paradox" (1966), "Ontological Relativity" (1969) etc. – an attempt is made to reconstruct close to the text the possible answers that W. Quine may give to the skeptical challenge of the problem of justification of standards of justification and of the "conceptual change" problem. It is shown that W. Quine's response to the skeptical "challenge to natural science that arises from within natural science" can be understood as a reference of the independence of different "epistemic levels", one of which is set by the "background" theory that provides the understanding of terms such "reality", "evidence" and "justification", and the other is related to the search for a more effective representation of the theory and determines the possibility of its change.

Keywords: rationalism, epistemology, naturalization, justification, skepticism, conceptual change, W. Quine, W. Alston.

For citation: Golovko, N. V. (2021). W. Quine, Naturalization, Skepticism and Conceptual Change Problem. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 80-92. DOI: 10.47850/RL.2021.2.4.80-92.

Классический скептический аргумент начинается с фиксации того, что «знание должно быть обоснованно до степени N», и демонстрирует, что эта «степень N» не может быть достигнута [Steup, 1995, ch. 10]. При этом, многообразие скептической аргументации естественным образом зависит от предмета анализа. И если мы говорим, например, о социальной эпистемологии, то один из очевидных скептических вопросов будет связан с обоснованием того, в каком смысле социальная подоплека производства и содержания знания отвечает не только идее обоснованности знания, но и идее обоснованности стандартов, с помощью которых происходит обоснование знания. Эпистемология требует от нас принимать только те убеждения, которые обоснованы рационально. И позиция скептика, в данном случае, например, может состоять в том, чтобы спросить: «А можно ли рационально обосновать подобную апелляцию к рациональному обоснованию?». Хорошим, уже классическим, примером такого скептического вопроса является вопрос обоснованности натуралистической эпистемологии, среди разновидностей которой, конечно же, можно выделить социальную, феминистскую и другие варианты «пост-колониальных» эпистемологий. Если мы отказываемся от идеи, что корректное рассуждение следует дедуктивно достоверному выводу, в том смысле, например, что обоснование убеждения есть определение логических характеристик и отношений между пропозициями, то что тогда остается? Как отмечает Ф. Китчер: «Что укореняет требование, что логические принципы являются предписаниями для мышления? Что является источником (source) этих принципов? Традиционный ответ – предположить, что они являются концептуальными истинами о рациональности, и тем самым формируют идеал, к которому мы стремимся. Для натуралистов, однако, подобные предписания должны быть укоренены в фактах относительно того, как системы, подобные нам, могут достигать (attain) своих эпистемических целей в мире, подобном нашему. Просто принять, что эти предписания раскрывают (unfold) понятие рациональности, недостаточно» [Kitcher, 1992, p. 63]. Естественно предположить, что главный «флагман» натуралистического проекта в XX веке – Уилард Куайн – не мог не замечать этих вопросов.

Если мы говорим о том, что наука является единственным интеллектуальным предприятием по достижению объективного знания, а натурализацию у У. Куайна сложно отделить от сциентизма, то научное знание обязано обосновывать научное знание. Проблема в том, что позиция любого ученого, точно также, как и позиция любого философа, полностью отвечает перспективе той концептуальной схемы, которую он принимает. Не имея возможности выйти за рамки концептуальной схемы, в первую очередь, для того чтобы оценить ее достоверность, натурализованная эпистемология, таким образом, ведет к релятивизму. Более того, положение ухудшается каждый раз, когда У. Куайн подчеркивает, что «мы не предполагаем, что наше понимание науки должно быть лучше, чем сама наука, которая является объектом нашего исследования» [Quine, 1969, p. 84], отсылая нас к метафоре «корабля Нейрата», которая в лучшем случае отвечает представлению

о когерентистской модели обоснования и не может ответить на вопрос об обоснованности самих стандартов обоснования. Ниже мы, в основном на материале отдельных работ, входящих в известные сборники У. Куайна «С точки зрения логики» (1963), «Направления парадокса» (1966) и «Онтологическая относительность» (1969), постараемся близко к тексту реконструировать возможные ответы У. Куайна на скептический вызов проблемы обоснования стандартов обоснования, а также проблемы «концептуального изменения»; сделаем попытку объединить различные работы У. Куайна так, как если бы они отвечали одной цельной «натуралистической» парадигме. Наш тезис заключается в том, что ключевым для понимания преодоления проблем «обоснования стандартов обоснования» и «концептуального изменения» у У. Куайна является тезис У. Алстона о формальной независимости контекстов «быть обоснованным» и «знать, что я обоснован». Когда У. Куайн обвиняет тех, кто говорит, что «у нас нет данных в пользу существования объектов, помимо того факта, что предположение об их существовании помогает нам организовать опыт», в том, что они допускают «философское заблуждение», он связывает «базовую» теорию и «достоверные эпистемические принципы» У. Алстона, т. к. именно эта теория дает определения терминам «реальность», «данные» и «обоснование». Различение У. Куайном перспективы «носителя теории» и перспективы поиска внутри теории «допущений, которые недостаточно эффективно описывают опыт» при описании им возможности «концептуального изменения», напрямую отвечает делению на «контекст обоснования» и «контекст оценки» у У. Алстона.

Предварительные замечания

Сама идея того, что обоснование предполагает, что мы можем рационально обосновать то, что стандарты обоснования опираются на то, что мы не «избегаем вопроса» и не «попадаем в логический круг», является следствием более фундаментального допущения, что мы можем принять как легитимную часть своей системы убеждений только те убеждения, которые «можно объяснить и обосновать на рациональных основаниях». В этом смысле, позиция скептика сама по себе не является «внешней» по отношению к позиции «рационалиста», а является «внутренней» проблемой, т. к. последний обязан показать, что его убеждения действительно обоснованы. Хорошо известна попытка У. Алстона показать, что скептический аргумент против обоснования стандартов обоснования можно преодолеть различением состояний «быть обоснованным» и «знанием, что я обоснован» [см., например: Alston, 1980]. При этом для «быть обоснованным» требуется только наличие «достоверного эпистемического принципа», вопрос об обоснованности которого возникает только в том случае, если мы «поднимаемся на следующий уровень, анализируя убеждение более высокого порядка, – убеждение, что мы обоснованы в убежденности в p »: «мое состояние быть (being) обоснованным в p зависит от существования достоверного (valid) эпистемического принципа, который применяется к p . Убеждение обоснованно, если *есть* такой принцип, *независимо* от того,

знаю ли я что-нибудь об этом принципе, или обоснован ли я в предположении, что такой принцип существует» [Alston, 1980, p. 148]. В этом смысле, скептик заранее смешивает «эпистемические уровни», когда переходит от вопроса обоснованности убеждения к вопросу о знании, что мы обоснованы, чего делать нельзя. Не стоит забывать, что одно из приложений подобного деления на «быть обоснованным» и «знанием, что это так» связано с попыткой У. Алстона проанализировать фаундализм, в рамках которого такое деление может иметь смысл. Однако, с точки зрения скептика, ситуация не меняется – мы просто переходим к скептическому аргументу на «следующем уровне». В то же время, логика рассуждений У. Алстона может навести на мысль, что если сразу начать со «следующего уровня» и изначально зафиксировать на нем состояние «знания обоснования», то мы если не решим проблему, то создадим ситуацию, в которой проблема обоснования стандартов обоснования не возникнет¹. На наш взгляд, именно в этом заключается логика проекта натурализации – мы принимаем как безоговорочные стандарты обоснования в рамках той области знания, на которой натурализуем дискурс, и они, в свою очередь, и играют роль «достоверных эпистемических принципов» в логике У. Алстона.

В общем случае, говоря о натурализме и натурализации, мы говорим о том, что обоснование и оценка знания привязаны к конкретной концептуальной схеме, которую познающий считает наиболее подходящей для своих целей. При этом подчеркивается, что познающий принципиально не может выйти за рамки схемы и, вообще, склонен воспринимать ее некритически. В данном случае мы не можем сказать, что здесь возможно «внешнее» обоснование стандартов обоснования принятой схемы. Вопрос о том, «что обосновывает принятые стандарты обоснования?», по сути, является не корректным, т.к. сам по себе не может быть, в данном случае, предметом независимого обоснования и оценки. Однако, натурализм – это не релятивизм. В данном случае У. Куайн будет утверждать именно то, что оценка суждений будет производиться относительно концептуальной схемы и у нас нет другого независимого способа оценки обоснованности самой концептуальной схемы и отвечающих ей стандартов обоснования. Последнее как раз будет означать критику априорного характера философии, опирающуюся на логику как универсальный стандарт обоснования. Вместо этого эпистемология должна следовать стандартам «наиболее достойной» концептуальной схемы. Релятивизм следует после того, как мы переходим к аргументу, который в общих чертах повторяет аргумент «пессимистической мета-индукции» [см., например: Psillos, 1999]: (1) мы следуем «стандарту рациональности» той концептуальной схемы, которую безоговорочно принимаем; (2) в исторической перспективе, все подобные схемы со временем меняются на другие;

¹ Рассуждения У. Алстона можно также проинтерпретировать на примере концепции «реалистского рационализма» (см., например: [Katz, 2000]). В рамках этой концепции рационалист принимает метафизический реализм и, тем самым, мы разводим истинность и данные. Независимо от того, насколько хорошо обоснована теория, всегда существует возможность, что она не обоснована, т.к. реальность по определению объективна. И поскольку даже лучшие теории онтически подвержены фаллибилизму, то нет никакой необходимости даже ставить проблему обоснования стандартов обоснования. Ибо, если мы попытаемся одновременно принять и метафизический реализм, и возможность такой скептической позиции, то мы, например, должны будем одновременно потребовать (а) что мы можем принимать только убеждения, обоснованность которых показана, и (б) что мы понимаем, что любые попытка обоснования не будут иметь успеха.

значит (3) со временем мы откажемся от тех стандартов, которые сейчас считаем «абсолютными» и более того, одновременно может существовать много таких «стандартов» в зависимости от культурно и исторически обусловленного принятия схем. В этом смысле, особое значение будет иметь рассуждение о том, как натуралист может оценить возможное «концептуальное изменение», т. е. смену концептуальных схем. Это «изменение» нельзя оценить «изнутри» концептуальной схемы.

На первый взгляд, проблема «концептуального изменения» может показаться не решаемой для натуралиста. Более того, тот факт, что натуралист, в каком-то смысле, отрицает независимую оценку «концептуального изменения», сам по себе, может снова вернуть нас к скептическому вызову, описанному выше, – можем ли мы рационально обосновать стандарты рационального обоснования. Концептуальная схема, которую мы принимаем, может быть произвольной. Мы даже можем сказать, что попытка натуралистов выступить против идеи о независимом источнике обоснования стандартов обоснования приводит к дилемме. Утверждение: «оценка обоснования привязана к концептуальной схеме» (*), можно рассматривать с двух сторон. Если (*) понимать через призму натурализма, то мы не сможем сказать, что опровергли «традиционалистов», т. к. все стандарты обоснования принадлежат принятой схеме, а мы не можем выйти за ее рамки. Если (*) это не натуралистический тезис, то наша позиция по сути является «традиционной». С точки зрения «традиционной парадигмы» мы должны сказать, что натуралисты «должны полагать стандарты обоснования необоснованными». Естественно, натуралисты будут это отрицать. И в данном случае, на наш взгляд, может помочь деление между «обоснованием» и «контекстом оценки, который задает смысл обоснованию». Каждый раз, когда скептик говорит о произвольности выбора концептуальной схемы, это значит, что скептик должен занимать позицию «внешнюю» по отношению к любой из возможных концептуальных схем, которые оцениваются, чтобы самому не попасть в ситуацию, когда его обвинят в отсутствии обоснованности стандартов обоснования. Ни одна из «альтернативных» концептуальных схем не может выступать в качестве основания для оценки выбора другой. И даже если скептику удастся зафиксировать какую-то «универсальную внешнюю» схему, все равно, потенциально, вопрос о ее выборе останется. Логика натуралиста – преодоление такого регресса – предполагает акцент на том, что прежде всего мы будем носителями определенной концептуальной схемы и лишь потом, опираясь на нее, будем решать вопрос об оценке «альтернатив». Когда мы уже осознаем, что эта оценка осуществляется на основании какой-то уже принятой концептуальной схемы, собственно проблемы «концептуального изменения» не будет. Скептик, в данном случае, как будто бы не замечает того, что любая оценка достоверности совершается на основании уже принятой схемы. «Контекст обоснования» предполагает, что мы работаем «внутри» концептуальной схемы, но «контекст оценки», определяющий произвольность выбора схем, также является «контекстом обоснования» в какой-то своей концептуальной схеме. Ниже мы приведем примеры того, как У. Куайн пытается схватить различия между этими контекстами, пытаясь ответить на замечания скептика, связанные с проблемой «концептуального изменения».

У. Куайн и скептицизм относительно обоснования стандартов обоснования

С точки зрения У. Куайна, апелляция скептика к логическому кругу в обосновании стандартов обоснования в рамках натурализованной эпистемологии есть ни что иное, как «излишняя застенчивость (timidity)», поскольку проблемы обоснования эпистемического статуса, сами по себе, содержатся внутри науки: «Понимание того, что лежит за пределами непосредственно данного, само по себе является основанием для понимания того, что оно ограничено непосредственно данным. Такая логика рассуждения вызывает определенные сомнения: разве разговор о лучах света, молекулах и представителях расы Номо не является содержательным, и только отражает рябь на поверхности непосредственно данного? Взгляд на мир, который допускает такое представление о знании, следуя ему же самому, будет беспочвенной выдумкой. Однако рассуждать так, значит впасть в заблуждение: философское заблуждение (fallacy) ... Мы не можем серьезно усомниться в реальности внешнего мира, или отрицать наличие данных о внешних по отношению к нам объектах, которые предоставляют органы чувств; ибо, если так делать, то мы будем просто отделять (dissociate) термины “реальность” и “данные” от того, для чего они были предложены, от содержания, которое изначально закладывалось в значение этих терминов, в любом смысле, который они могли бы иметь для нас» [Quine, 1966b, p. 216]. Скептицизм в отношении утверждений, которые обоснованы эмпирически, сам по себе исторически развивается вместе с представлением о соотношении теории и данных опыта, вместе с развитием представлений о перцептуальном знании и его обосновании (см., например: [Stroud, 1984]). Не только научное знание, но и здравый смысл, оказываются представлениями, которые по определению выходят за рамки перцептуального уровня восприятия: «то, что дано в ощущении, это визуальные паттерны разной формы и разного цвета, тактильные ощущения разной плотности того, чего мы касаемся, и разной температуры, а также многообразие тонов, вкусов, запахов и прочего; столы среди этих данных можно обнаружить не в большей степени, чем молекулы. Если у нас есть данные в пользу существования объектов здравого смысла, то говорить о них мы будем именно в том же самом смысле, как мы говорим, что у нас есть данные в пользу существования молекул. Постулирование и тех и других объектов, это хорошая наука, в том смысле, что они помогают нам формулировать законы – законы, чей исходный набор данных, на основании которых мы их формулируем, есть данные органов чувств в прошлом, и чье окончательное обоснование будет проходить посредством данных органов чувств в будущем» [Quine, 1966c, p. 237].

С точки зрения традиционно понимаемой эпистемологии, обоснование является предметом апелляции к чему-то внешнему по отношению к системе убеждений, в которой мы находимся. Однако У. Куайн продолжает настаивать на том, что «критически важный момент связан с тем, что эпистемолог сталкивается с вызовом естествознанию, возникающим внутри естествознания ... Его проблема в том, чтобы найти такую перспективу, отвечающую естествознанию, в рамках которой человек–животное мог бы получить ту же самую науку

на основании той же самой сенсорной информации, которую он может получать согласно этой самой науке» [Quine, 1973, p. 2]. Как в отношении науки, так и в отношении здравого смысла, эпистемолог, опирающийся на представление о возможности эмпирического знания и использующий классическое определение знания предполагает, что только данные, которые показывают истинность убеждений, могут быть использованы для того, чтобы организовывать наше представление об опыте. Если мы ограничиваем себя только концептуальной схемой, то и столы, и молекулы, это просто «допущения» – гипотетические сущности, которые помогают организовать опыт. У. Куайн пишет: «заметив, что у нас нет данных в пользу существования объектов, помимо того факта, что предположение об их существовании помогает нам организовать опыт, мы должны, вместо того, чтобы отказываться от данных в пользу существования тел, заключить: именно они, в сущности, и есть данные в пользу существования, как для объектов здравого смысла, так и для молекул» [Quine, 1966с, p. 238]. По словам У. Куайна, тех, кто дезавуирует обоснованность утверждений о существовании объектов здравого смысла, равно как и о существовании молекул, эволюции (или изменения климата – *Н. Г.*), не следует хвалить за излишнюю осторожность или требовательность в отношении обоснования, скорее наоборот, «подвергать критике за неспособность обратить внимание на то, что такое есть данные». В данном случае, скептик именно «отделяет» термины «реальность», «истина» и «данные» от контекста их применения, который и придает им смысл: «не будучи сбитыми с толку философией, мы все должны согласиться с доктором Джонсоном, чей палец был для него краеугольным камнем реальности. Овцы реальны, единороги – нет. Облака реальны, а небо (как твердый свод) – нет. Нечетные числа, возможно, реальны, но простые четные числа, кроме 2, – нет. Конечно, все это реально, но есть овцы, а единорогов – нет, есть облака и нет (в указанном смысле) неба, есть нечетные числа и нет четных простых чисел, кроме 2. Таково обыденное употребление слова “реальный”, разделение овец и единорогов» [Quine, 1966а, p. 212]. Суть позиции У. Куайна заключается в том, что традиционный эпистемолог, сомневаясь в реальности овец и столов, аналогичным образом сомневается и в научных теориях, и в том, что доступно на уровне здравого смысла. Постановка классического скептического аргумента в его крайней форме, граничащей с релятивизмом, не предполагает, что мы ставим вопрос об обоснованности знания, опираясь на ту или иную эпистемическую точку зрения, мы должны в равной мере сомневаться во всем. И в то же время, если вы говорите, что если что-то «не реально», «не истинно» и «не обоснованно», то в духе онтологического аргумента можно заключить, что должно быть что-то, что «обычно» понимается под тем, что «реально», «истинно» и «обоснованно». Без подобной «базовой» установки сам смысл терминов «реальность» и «данные», которые мы хотим осмысленно использовать в дискурсе обоснования, теряется.

С точки зрения скептика, эпистемические проблемы обоснования знания с помощью данных заставляют нас считать овец, столы и молекулы допущениями. В смысле установления эпистемического статуса утверждений, содержащих соответствующие термины, между ними нет различий: «все, по отношению к чему мы говорим “существует”,

является *допущением* с точки зрения описания процесса построения теории (theory-building process), и одновременно – *реальным*, с точки зрения теории, которая строится (theory that is being built)» (курсив мой – Н. Г.) [Quine, 1960, p. 20]. В данном случае, существование второй перспективы – перспективы теории, которая «будет построена», – важно. С эпистемологической точки зрения, в процессе оценки, проверки и обоснования убеждений, мы естественным образом ограничены тем, что «допущения» вводятся не просто так, чтобы «организовать данные», мы оцениваем «допущения» с точки зрения их эффективности, например, с точки зрения их объяснительной силы: «как эмпирик я продолжаю думать о концептуальных схемах в науке, как об инструментах, в конечном счете, необходимых для предсказаний на основании прошлого опыта. Физические объекты включаются в концептуальную схему в качестве удобных посредников, – не с точки зрения опыта, но просто как несводимые допущения, эпистемологически сопоставимые с богами Гомера. Я считаю научной ошибкой полагать иначе. С точки зрения эпистемологических оснований, физические объекты и боги различаются только степенью, но не качеством. Оба типа объектов входят в наше мироощущение только как допущения на культурном уровне. Миф о физических объектах эпистемически более сильный, потому что оказывается более эффективным, чем другие мифы, как средство представления рабочей структуры, задающей структуру потока опыта» [Quine, 1963, p. 44]. Скептики и традиционные эпистемологи рассматривают «допущения» как «удобных посредников», потому что они переоценивают перспективу построения теории. У. Куайн утверждает, что мы не можем ограничивать себя только этой перспективой, чтобы поставить под сомнение обоснованность и истинность «допущений», реальность объектов, которые они обозначают, что у нас должны быть какие-то «базовые» теории или допущения, которые задают представления об истине, обосновании и реальности. Проблема традиционной эпистемологии, приводящая к «философскому заблуждению», заключается в том, что скептик ограничивает свою позицию перспективой «построения теории», в то время как следует учитывать и эту перспективу, и перспективу наличия «базовой» теории. Именно это различие, с точки зрения У. Куайна, позволяет обнаружить тонкости в том, что касается традиционного отношения между теорией и данными: оно позволяет должным образом позиционировать натуралистический проект не как релятивистский, а и именно как самостоятельный эпистемологический проект, который, опираясь на науку, *объясняет* развитие науки, а также позволяет натуралистам *ответить* на скептический вызов, связанный с вопросом об обоснованности стандартов обоснования. С точки зрения приведенной выше «логики У. Алстона», «базовая» теории у У. Куайна определяет наличие «достоверных эпистемических принципов», которые определяют, что значит «быть обоснованным», в то время как их обоснованность не является предметом оценки. В этом смысле, скептик все время пытается апеллировать к более высокому «эпистемическому уровню» и тем самым смешивает формально независимые контексты «быть обоснованным» и «знать, что я обоснован».

У. Куайн и проблема «концептуального изменения»

Натуралист утверждает, что «эпистемология содержит в себе естественные науки, а естественные науки содержатся в эпистемологии» [Quine, 1969b, p. 83]. В этом смысле, мы можем взглянуть на эпистемолога как на ученого. Как и другие ученые, они «работают изнутри», они будут решать свои вопросы с точки зрения принятия определенной теории как «базовой». Согласно У. Куайну, принимая такую точку зрения, мы «принимаем физическую реальность, будь то с точки зрения человека с улицы или с точки зрения ученого. При этом мы являемся как получателями, так и носителями эволюционного наследия. Затем, исследуя в деталях таким образом принятую теорию физической реальности, мы делаем выводы, касающиеся, в частности, самих себя. Один из таких выводов состоит в том, что эти знания пришли к нам в результате анализа физической данности и никак иначе. Таким образом, здесь у нас появляется знание о знании. И оно, если правильно на него смотреть, будет оспаривать исходное знание» [Quine, 1966b, p. 217]. Отличительная особенность точки зрения У. Куайна здесь заключается в том, что если в самом факте «знания о знании» традиционный эпистемолог видит проблему обоснования знания, то У. Куайн, как натуралистический эпистемолог, будет видеть проблему объяснения. Натуралистический эпистемолог не может обосновать принятую точку зрения, «внутри» которой он находится, а значит ему остается проблема объяснения получения и развития знания в рамках принятой теории. И поскольку вопросы обоснования возникают внутри науки, то ничто не мешает обратиться к науке, чтобы их решить. В этих исследованиях в качестве предмета будут выступать «природные явления и человек как физический субъект. Человек играет роль устройства ввода, предоставляющего определенную эмпирическую информацию, и в качестве вывода получает описание трехмерного внешнего мира и его истории. Отношение между входом и выходом есть отношение, которое мы изучаем, следуя тем же соображениям, которыми руководствуется эпистемолог; собственно, мы хотим знать, как данные соотносятся с теорией, и в каком смысле теория объясняет доступные данные» [Quine, 1969b, p. 82]. Это «затруднение» аналогично ситуации, в которой находится психолог, который сам, как человек, изучает психику, или физик, который пытается изучать поведение физических систем так, как будто бы на них не влияет человек. Каждый из них должен принять как факт то, что они неизбежно взаимодействуют с явлениями, которые они изучают: «не удаляйтесь от данных органов чувств дальше, чем нужно» [Quine, 1973, p. 138]. То есть, изучая то, как наши теории соотносятся с данными, эти ученые ограничивают, насколько это возможно, степень, в которой их собственные представления влияют на доступные данные.

Часто считается, что У. Куайн «сводит» эпистемологию к психологии, однако, натурализованная эпистемология не ограничивается исключительно психологией. Еще один важный момент связан с обращением к теории эволюции [см., например: Kitcher, 1992]. Говоря о человеке, мы обязаны подчеркнуть то, что сам по себе человек, как биологический вид, пережил и переживает процесс естественного отбора. Подчеркнем, что У. Куайн

не предлагает ответ на скептический вызов в отношении обоснования стандартов обоснования в смысле разработки какого-то «нового» подхода к обоснованию знания. Как отмечалось выше, собственно установка У. Куайна нацелена на то, чтобы понять натуралистическую интерпретацию ролей человека как «носителя теории» и как того, кто «оценивает теории». Одна из задач, которую он ставит перед собой, например, – предложить такую натуралистическую интерпретацию теории указания, которая даст возможность понять, как мы пришли к тому, что придерживаемся именно той теории, к которой мы пришли, которая у нас есть, и как, и почему мы можем изменить эту теорию, или даже отказаться от нее в пользу другой. Теоретически, учитывая то, как связаны теория и данные, можно подумать, что наши «допущения», на самом деле, случайны. У. Куайн указывает: «Сомнение в источнике [знания] само по себе не является аргументом против сохранения и развития абстрактной онтологии» [Quine, 1969a, p. 16]. Как натуралистический эпистемолог, осознающий важную роль, которую играет принятая устоявшаяся теория, он не будет поддаваться искушению без труда отбросить ее, отказаться от этой теории, – она дает ему представления об «истинности», «обосновании» и «данных», которые позволяют ему продолжать исследования. Попытки поставить под сомнение истинность такой теории приводят к «философскому заблуждению», о котором говорилось выше. Примечательно то, что принятые теории У. Куайн полагает концептуально состоятельными, и считает, что их концептуальные изменения возможны. Натурализованная эпистемология – это позиция не только «носителя теории», но и позиция, с точки зрения которой теория «оценивается», а значит это позиция, с точки зрения которой можно увидеть, как можно изменить теорию. Как отмечает У. Куайн, перспективу «изменения теории» принимают те, кто ставит перед собой задачу по систематизации и упрощению принятой теории с целью превратить ее в более адекватный инструмент. В то же время, возможность изменения теории не означает, что мы должны отказаться от перспективы «носителя теории». Мы также не должны предполагать, что принятая теория является ложной или онтологически несостоятельной. Вместо этого У. Куайн предполагает, что теория, которую можно изменить, не является с точки зрения современной науки в полном смысле слова концептуально завершенной: «Онтология не встроена в обыденный язык. Идея границы между бытием и небытием – это философская идея. Ученые и философы стремятся построить всеобъемлющую систему мира, причем такую, которая ориентирована на представление об указании [терминов] гораздо больше, чем на указание ориентирован обыденный язык. Онтология, научная или философская, не получается посредством корректировки обыденной мысли или практики; она чужая по отношению к обыденной культуре и перерастает ее ... Именно в этом смысле мы говорим, что предполагаемые объекты являются значениями переменных или местоимений. Фразы обыденного языка, будучи переписанными в онтологической нотации, могут потерять смысл, и новые ненамеренные онтические допущения могут возникнуть. Всегда есть возможность для выбора [языка], и мы можем выбрать нотацию, цель которой – более простое описание имеющейся системы мира» [Quine, 1981, p. 10]. Следуя У. Куайну, то, чем занимаются ученые или философы,

«перерастает» возможность говорить об онтологии на быденном языке. И дело не во врожденных способностях ребенка, способного онтологизировать окружающий мир уже в инстинктивном лепете, а в том, что ученые и философы, как ученые, стремятся максимизировать объяснительную и предсказательную силу имеющихся теорий и руководствуются при этом соображениями минимальности средств описания и простоты, с точки зрения которых они и смотрят на теории. «Новая» теория должна предлагать лучший прогностический аппарат или обеспечивать большую простоту и общность описания явлений при сохранении достаточного количества «старых» трактовок. Натуралистический эпистемолог утверждает, что изменения в концептуальной схеме возникают не потому, что она ложна, или потому что мы вдруг обнаружили более истинную схему, а потому что стала доступна более простая, действенная и экономная схема «описания опыта». «Допущения», являющиеся «приближенными, но удобными с точки зрения упорядочения опыта», подлежат замене, когда мы откроем другие, которые будут справляться с этой задачей лучше. У. Куайн уверен, что тенденция к увеличению систематизации в науке напрямую связана с успешностью изменения теорий. Таким образом, несмотря на то, что мы проводим исследования в рамках принятой теории, мы не обречены придерживаться ее вечно – мы можем изменить ее «доска за доской».

Отметим, что говорить, что «допущения», на самом деле, это просто «удобные фикции», можно будет только в том случае, если, принимая перспективу «изменения теории», мы забудем о том, что каждый ученый одновременно является «носителем теории». Само деление между мифом и реальностью, между «допущениями» и «реальными вещами» имеет смысл только по отношению к принятой теории. Признавая требования увеличения систематизации и предсказательной силы как значимые для изменения концептуальной схемы, мы должны принять, что затруднения, вызванные тем, что человек изучает человека, на самом деле, не играют той роли, на которой настаивают релятивист или скептик. Когда мы говорим, что данные, которые у нас есть относительно внешнего мира, это наши данные, которые являются следствием способности к организации опыта специфическим образом, отсюда не следует, что внешних объектов нет, или то, что их познание ограничено концептуальной схемой, которой мы обладаем сейчас. Все, что У. Куайн хочет сказать о биологии, прагматизме или указании, так или иначе упирается в то, что у нас есть принятая теория, которая предоставляет стандарты обоснования, и которая может изменяться. При этом эти «стандарты» утверждаются современной наукой: «нет более высокой истины, чем та, которую предоставляет или ищет наука». Теория, которую мы принимаем, задает «базовое» представление о реальности, при этом стандарты обоснования, сами по себе, дают возможность конструктивно изменить теорию, позволяя поиск изменений в рамках принятой теории. Именно перспектива «носителя теории» задает методологические стандарты простоты и систематизации. Принятая теория вполне может содержать внутри себя основания для собственной эволюции: поиск более простой, содержательной и эффективной теории – это поиск внутри принятой теории, которая в каком-то смысле «неэффективна». В этом смысле наука у У. Куайна, как сознательная попытка онтологизации

и систематизации, рассматривается как расширение нашей ориентации на здравый смысл, а ориентация натурализованной эпистемологии на науку – это всего лишь следующий шаг в том же направлении [см., например: Quine, 1966b, pp. 219-220]. С точки зрения описанной выше логики общего натуралистического ответа на проблему «концептуального изменения», то, о чем здесь говорит У. Куайн, можно понимать, как отвечающее делению на «контекст обоснования» и «контекст оценки», которые в данном случае, по сути, являются соответствующими интерпретациями формально независимых по У. Алстону контекстов «быть обоснованным» и «знать, что я обоснован».

Список литературы / Reference

- Alston, W. (1980). Level Confusions in Epistemology. *Midwest Studies in Philosophy*. no. 5. pp. 135-150.
- Katz, J. (2000). *Realistic Rationalism*. MIT Press.
- Kitcher, P. (1992). The Naturalists Return. *The Philosophical Review*. Vol. 101. no. 1. pp. 53-114.
- Psillos, S. (1999). *Scientific Realism: How Science Tracks Truth*. Routledge.
- Quine, W. (1960). *Word and Object*. MIT Press.
- Quine, W. (1963). Two Dogmas of Empiricism. In Quine, W. (ed.) *From a Logical Point of View*. Harper & Row. pp. 20-46.
- Quine, W. (1966a). On Mental Entities. In Quine, W. (ed.) *The Ways of Paradox and Other Essays*. Random House. pp. 208-214.
- Quine, W. (1966b). The Scope and Language of Science. In Quine, W. (ed.) *The Ways of Paradox and Other Essays*. Random House. pp. 215-232.
- Quine, W. (1966c). Posits and Reality. In Quine, W. (ed.) *The Ways of Paradox and Other Essays*. Random House. pp. 233-241.
- Quine, W. (1969a). Speaking of Objects. In Quine, W. (ed.) *Ontological Relativity and Other Essays*. Columbia University Press. pp. 1-25.
- Quine, W. (1969b). Epistemology Naturalized. In Quine, W. (ed.) *Ontological Relativity and Other Essays*. Columbia University Press. pp. 69-90.

Quine, W. (1973). *The Roots of Reference*. Open Court.

Quine, W. (1981). Things and Their Place in Theories. In Quine, W. (ed.) *Theories and Things*. Harvard University Press. pp. 1-23.

Steup, M. (1995). *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Pearson.

Stroud, B. (1984). *The Significance of Philosophical Scepticism*. Oxford University Press.

Информация об авторе / Information about the author

Головко Никита Владимирович – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

После доработки: 27.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Golovko Nikita – Doctor of Philosophy, Docent, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

The paper was submitted: 15.10.2021

Received after reworking: 27.10.2021

Accepted for publication: 01.11.2021